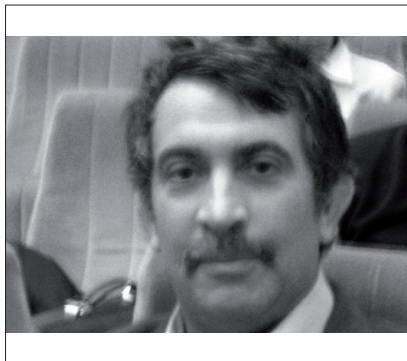

ББК 63.3(0)63-401

УДК 94(100)«1956»:327.323.3

Александр Стыкалин

**О конкретно-
исторических
обстоятельствах
роспуска Коминформа
и перехода
к новым формам
взаимодействия
компартий**

У грудні 1955 р. радянський лідер Микита Хрущов намагався переконати громадську думку Заходу у тому, що у радянських вождів не було жодного задуму щодо розпуску Комінтерну. Але згодом все ж таки було прийняте рішення стосовно ліквідації вищезгаданого механізму Сталінського режиму. У статті, що ґрунтується на документах з російських архівів та інших джерелах, автор намагається проаналізувати чинники, які зумовили зміну офіційної точки зору радянської влади.

Ключові слова: зовнішня політика СРСР; міжнародний комуністичний рух; Комінтерн; Комінформ; радянсько-югославські відносини; ХХ з'їзд КПРС.

Созданное в сентябре 1947 г. для «обмена опытом и координации деятельности компартий на основе взаимного согласия» Информационное бюро коммунистических и рабочих партий стало фактически механизмом централизации мирового коммунистического движения, инструментом идейно-политического руководства деятельностью компартий со стороны Москвы, переняв в этом смысле функции распущенного в 1943 г. Коминтерна. Известно, что

© Стыкалин А., 2010

именно Коминформ стал главным орудием осуществления массовой антиюгославской кампании, предпринятой в 1948-1949 гг.¹. Но убедившись в неудаче этой кампании, Сталин довольно быстро утратил интерес к этой организации. После 1949 г. большие совещания Коминформа не проводились, после ноября 1950 г. не состоялось ни одно заседание Секретариата Информбюро.

Преемники Сталина также не предприняли серьезных попыток активизировать деятельность Коминформа. Так, в 1954 г. не был дан ход соответствующей инициативе, с которой выступил шеф-редактор печатного органа Информбюро газеты «За прочный мир, за народную демократию» академик М.Б. Митин². В Москве неплохо осознавали структурные изъяны Коминформа, главным из которых был ограниченный круг его участников. Так, ни компартия второй коммунистической державы мира - Китая, ни компартии обеих Германий, ни Союз коммунистов Югославии (установка на примирение с которым проявилась в политике КПСС начиная с 1954 г.) не входили в Коминформ, и это не способствовало осуществлению линии КПСС в мировом коммунистическом движении на ряде важных направлений.

В феврале 1954 г. на Президиуме ЦК КПСС был поднят вопрос о необходимости корректировки сложившихся в сталинские времена методов политики СССР в отношении стран «народной демократии». Поводом послужила работа посла СССР в Польше Г.М. Попова, который, как отмечалось в соответствующем постановлении Президиума ЦК КПСС, «нарушил указания ЦК КПСС и Советского правительства о недопустимости какого-либо вмешательства послов СССР во внутренние дела народно-демократических стран и пытался взять на себя функции контроля за деятельностью ЦК ПОРП и Польского правительства», допускал «высокомерное отношение к польским товарищам», что «могло нанести серьезный ущерб советско-польским отношениям»³. Попов был отстранен, в постановлении Президиума ЦК КПСС указано на недопустимость превышения послами полномочий, их вмешательства во внутренние дела стран пребывания⁴. О Коминформе при этом речь не заходила, осуществление политики на вос-

точноевропейском направлении мыслилось все больше через дипломатические, а не только через партийные структуры.

В том же 1954 г., в условиях начавшейся постепенной нормализации советско-югославских отношений было принято решение о ликвидации ряда ключевых коминформовских структур, выступавших в качестве инструментов антититовской пропаганды. Союз югославских патриотов за освобождение народов Югославии уже со второй половины 1953 г. сократил свою деятельность, а в конце сентября 1954 г. был упразднен. Тогда же прекратила работу и радиостанция «Свободная Югославия»⁵.

В мае 1955 г. шла полным ходом подготовка визита в Югославию советской партийно-правительственной делегации во главе с Н.С. Хрущевым, призванного стать прорывом в деле налаживания отношений двух коммунистических режимов, а по сути – в деле преодоления наметившегося раскола в коммунистическом движении. Для Хрущева сверхзадачей встречи было возвращение Югославии в советскую сферу влияния, чего достичь в ходе переговоров явно не удалось. За три дня до отлета делегации в Белград, 23 мая, Президиум ЦК КПСС утвердил телеграмму руководства компартий, входящих в Информбюро⁶. В ней предлагалось отменить резолюцию «Югославская компартия во власти убийц и шпионов», принятую на Третьем Совещании Информбюро в ноябре 1949 г., в условиях, когда отношения между компартией Югославии и компартиями-участницами Информбюро «были порваны и обе стороны находились в состоянии вражды и обоюдных нападок». В документе признавалось, что многие обвинения со стороны Коминформа были необоснованными; вина за их фабрикацию в соответствии с доминировавшими весной 1955 г. установками возлагалась на Берию, Абакумова и их агентуру, «злонамеренно действовавших против интересов Советского Союза и дружественных ему государств». Что касается резолюции Второго Совещания Информбюро, принятой в июле 1948 г., то ее предполагалось оставить в силе с некоторыми оговорками. По мнению Президиума ЦК КПСС, в ней «содержится справедливая критика по принципиальным вопросам деятельности КПЮ, вполне допустимая в отношениях меж-

ду компартиями». Вместе с тем признавалось, что в резолюции имеются и необоснованные обвинения и содержится по существу призыв к смене руководства КПЮ, что выходит за пределы компетенции Информбюро. Об этом имелось в виду самокритически заявить югославам в ходе переговоров. Хотя советская делегация стремилась приложить все усилия для улучшения двусторонних отношений, предполагалось все же при прояснении спорных вопросов откровенно заявить представителям СКЮ о несогласии с некоторыми их публичными высказываниями⁷. Таким образом, в мае 1955 г. руководство КПСС не только впервые ставит вопрос об отмене одной из важнейших резолюций Коминформа, но уточняет функции Информбюро, круг его компетенции.

После согласования с другими партиями в прессе было опубликовано сообщение о том, что коммунистические и рабочие партии, входящие в Информбюро, вновь рассмотрели вопрос о резолюции, принятой в ноябре 1949 г. по югославскому вопросу. После дополнительной проверки всех обстоятельств было установлено, что обвинения по адресу руководства КПЮ оказались необоснованными, а потому партии-члены Информбюро договорились о том, чтобы отменить резолюцию⁸.

Для советских лидеров, конечно, не было секретом отрицательное отношение руководства СКЮ к Коминформу вследствие его роли в массовой антиюгославской кампании 1948-1949 гг. Вопросы, связанные с деятельностью этой организации, затрагивать на переговорах с югославами по возможности не собирались⁹, и они действительно, насколько можно судить по имеющимся источникам, не стали предметом споров.

Раскритиковав на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г. министра иностранных дел В.М. Молотова, скептически относившегося к перспективам далеко идущего советско-югославского сближения, руководство КПСС было вынуждено, однако, в скором времени согласиться с тем, что первые попытки установить идейное единство КПСС и СКЮ закончились неудачей. В документе, представленном в январе 1956 г. к обсуждению на Президиуме ЦК КПСС югославского вопроса, было признано, что за последнее время «удалось затормозить, а затем и вовсе приостановить процесс сближения Югославии с запад-

ным лагерем», напротив, происходит (хотя и не без шероховатостей) «сближение Югославии в ряде коренных вопросов с социалистическим лагерем»; вместе с тем «нельзя признать удовлетворительными итоги в деле сближения по партийной линии. До такого состояния, когда между нашими партиями установилось бы прочное единство во взглядах и сотрудничестве на принципах марксизма-ленинизма, надо прямо сказать, еще далеко»¹⁰. Одно из наиболее существенных разногласий касалось отношения руководства СКЮ к тем сложившимся в сталинскую эпоху методам сотрудничества компартий, которые предполагали наличие некоторого идеологического и организационного центра в мировом коммунистическом движении (а именно в этом качестве в Белграде продолжал восприниматься Коминформ). Критика коминформовской политической практики присутствовала в завуалированной форме в письме ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС от 29 июня 1955 г., в котором были затронуты некоторые принципиальные вопросы¹¹. Вопрос о нецелесообразности существования Коминформа как скомпрометировавшего себя неблагоприятными акциями инструмента сталинской внешней политики, препятствующего в новых условиях доверительным отношениям, то и дело поднимался с югославской стороны в ходе бесед с советскими представителями на разных уровнях¹². А осенью 1955 г. в Москве обратили внимание на статью в главной газете СКЮ «Борбе», в которой видный деятель партии Велько Влахович (в то время главный редактор этой газеты) уже довольно открыто сформулировал требование о роспуске Коминформа¹³.

Первым дружественным СССР политиком, который, хотя и в деликатной форме, но довольно откровенно поставил в ходе встречи с советскими лидерами вопрос о целесообразности дальнейшего существования Коминформа, был премьер-министр Дж. Неру. Беседа советских лидеров Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина с ним состоялась в середине декабря 1955 г. во время их пребывания в Индии¹⁴. В информации ЦК КПСС для других партий сообщается следующее: «Неру поставил вопрос о Коминформе, о связях Компартии Индии с Компартией Советского Союза, [...] о крупных расходах [этой партии]. [...] Неру затронул также вопрос о газете «За прочный мир, за на-

родную демократию!», заявив, что публикуемые в этой газете статьи рассматриваются коммунистами других стран в качестве директив для них. [...] Смысл постановки им вопроса о Коминформе сводился к предложению ликвидировать эту организацию, как и газету «За прочный мир, за народную демократию!» Наши товарищи в соответствующей форме отвели доводы Неру, [...] они заявили, что КПСС не скрывает своего сочувствия коммунистам других стран [...] Это сочувствие, как хорошо известно, имеет идеологическую основу. [...] Коммунистические и рабочие партии имеют не меньшее право создавать свои организации, чем, например, социалистические партии, создавшие так называемый «Социалистический интернационал», или капиталисты, создающие свои международные организации»¹⁵. Как видно из документов, в Москве восприняли позицию Неру довольно серьезно, увидев в ней настороженное отношение к Коминформу не просто лидера большой азиатской страны, но и одного из инициаторов фактически начавшего формироваться вследствие Бандунгской конференции (апрель 1955 г.) движения неприсоединения, воспринимавшегося в Москве как стратегический союзник в борьбе с империализмом. Именно Неру подтолкнул советских лидеров задуматься над недостаточной эффективностью организации. «Вывод: видно мы работаем аляповато. Может быть продумать вопрос о помощи», - заметил в той же связи Хрущев на заседании Президиума ЦК КПСС 22 декабря¹⁶. С этих пор внимание советских лидеров было в большей мере приковано к проблеме совершенствования деятельности Коминформа.

Осознавая несовершенство Коминформа, а значит и неизбежность его реорганизации, Хрущев в первое время, однако считал явно несвоевременной публичную постановку вопроса об упразднении этой организации, воспринимая это как уступку тем силам в мире, которым не по душе «международная солидарность рабочего класса». Показательно, что он весьма нервно реагировал на прогнозы западных наблюдателей относительно скорого роспуска Коминформа. Повод для резких высказываний дали западные журналисты, которые на пресс-конференции в Дели 14 декабря прямо задали Хрущеву и Булганину вопрос о перспективах существования

Коминформа. Согласно комментарию, сделанному Хрущевым на пресс-конференции, деятельность этой организации, ставящей своей целью обмен опытом, беспокоит всех, кто «хотел бы сохранить навечно старую, отжившую свой век систему эксплуатации человека человеком». «На каком, собственно говоря, основании коммунистические партии должны отказаться от общепринятой формы международного общения и сотрудничества? Почему, например, те, кто ставят вопрос о ликвидации «Коминформа», не высказывают никаких возражений против деятельности Социалистического Интернационала?». «Почему им кажется естественным и законным, что капиталисты объединяются в международные монополистические объединения и регулярно встречаются для того, чтобы сообща вершить свои дела, а рабочему классу они хотели бы отказать» в праве на международное сотрудничество – вопрошал он иностранных журналистов¹⁷.

А через две недели, на сессии Верховного Совета СССР 29 декабря 1955 г. Хрущев вновь вернулся к проблеме Коминформа, затронув ее в контексте ответа на вопрос: кто укрепляет «дух Женевы»¹⁸ и кто подрывает его? Пафос довольно пространныго и эмоционального выступления советского лидера заключался в том, что вопрос о дальнейшем существовании Информбюро – это внутреннее дело компартий, не зависящее от воли тех, кому не по душе международная солидарность трудящихся, говорить же о предстоящем роспуске этой организации нет никаких оснований¹⁹. Эта позиция нашла отражение и на страницах теоретического органа КПСС журнала «Коммунист», где в январе 1956 г. была опубликована передовая статья, в которой говорилось о значении Коминформа как формы общения и сотрудничества компартий²⁰.

31 декабря состоялось последнее в 1955 г. заседание Президиума ЦК КПСС, на котором обсуждались вопросы, связанные с проведением в начале января совещания представителей компартий стран «народной демократии», посвященного главным образом экономическим и оборонным вопросам. В ходе обсуждения был затронут вопрос о разногласиях с СКЮ по вопросу о Коминформе и необходимости донести до югославских коммунистов точку зрения КПСС²¹. Для участников

январского совещания представителей компартий была подготовлена записка ЦК КПСС «О некоторых итогах нормализации отношений с Югославией»²², в которой выражалась установка: «хотим положительно улучшать» отношения с Югославией. В записке говорилось о существующих разногласиях между КПСС и СКЮ по вопросу о необходимости существования определенного объединяющего органа компартий.

Весьма однозначно выраженная Н.С. Хрущевым позиция в течение считанных недель, однако, претерпела эволюцию. Как следует из документов, ко времени XX съезда КПСС в советском руководстве возобладала точка зрения о необходимости коренной реорганизации Коминформа, не отвечавшего в новых условиях своим задачам, а в дни съезда уже был поставлен в конкретную плоскость вопрос о ликвидации этой структуры. Учитывая декабрьские высказывания Хрущева о том, что Коминформ имеет не меньше прав на существование, чем, скажем, Социнтерн, ясно, что подвижки произошли после долгих колебаний.

30 января при обсуждении на Президиуме ЦК КПСС проекта отчетного доклада ЦК XX съезду КПСС вопрос о Коминформе, насколько можно судить на основании записи, не поднимался²³. Это свидетельствовало о том, что вопреки недавно сделанным шумным хрущевским декларациям советская внешнеполитическая стратегия в реальности в это время уже не придавала большого значения деятельности этой организации. Соответственно и в отчетном докладе, произнесенном в день открытия съезда, 14 февраля, вопрос о Коминформе не получил развития²⁴.

Насколько можно судить по известным записям заседаний Президиума ЦК КПСС, Хрущев впервые со всей определенностью заговорил о перспективах ликвидации Коминформа 22 февраля 1956 г. В этот день, на заседании Президиума, посвященном предстоящему проведению совещания представителей компартий, прибывших в Москву в связи с XX съездом КПСС, первый секретарь ЦК КПСС обозначил имеющиеся планы весьма однозначно: «Ликвидируем Коминформ»²⁵. К заседанию от 22 февраля была представлена записка зав. отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями Б.Н.

Пономарева от 7 февраля²⁶. Отдел по связям с иностранными компартиями считал целесообразным использовать пребывание в Москве делегаций зарубежных партий, приглашенных на XX съезд КПСС, для обмена мнениями по некоторым принципиальным вопросам международного коммунистического движения, в том числе по вопросу о способах повышения эффективности Информбюро и новых формах контактов и связей между компартиями. Как отмечалось в записке, со времени последнего Совещания Информбюро прошло 6 лет. Хотя КПСС поддерживает регулярный контакт с зарубежными компартиями, «между собой зарубежные компартии связаны мало и плохо взаимно информированы о своей деятельности». Между тем, имеется ряд общих для компартий вопросов, по которым следовало бы обмениваться мнениями. По мнению отдела ЦК КПСС, это было бы целесообразно сделать именно в период XX съезда.

Как отмечалось в том же документе, приезжая периодически в Москву, представители многих компартий то и дело поднимают вопрос о слабой работе Информбюро, которая фактически сводится к изданию газеты. В ходе встреч предлагалось обсудить вопрос о составе Информбюро, учитывая то обстоятельство, что компартия Китая и ряд других крупных компартий не входят в эту организацию и это негативно сказывается на ее весе и значимости (некоторые партии ставили перед Москвой вопрос об участии в Информбюро). Особенно большое значение в аппарате ЦК КПСС придавалось мнению КПК. В записке Б. Пономарева предлагалось в предварительном порядке выяснить отношение китайских товарищей к предложению о возможном участии КПК в Коминформбюро. На более широкой встрече, с участием представителей партий, входящих в Информбюро, предполагалось обмениваться мнениями о возможном созыве очередного большого совещания, предварительно наметив дату проведения и повестку дня. На совещании следовало бы обсудить ряд вопросов, в том числе о возможном расширении состава Информбюро, об улучшении работы газеты «За прочный мир, за народную демократию», об издании теоретического органа. В записке предлагалось также включить в повестку дня предстоящего большого совещания

вопрос о расширении контактов и сотрудничества с социалистическими и социал-демократическими партиями (предполагалось принять и опубликовать соответствующую резолюцию). Обсудить этот вопрос считали целесообразным в связи с наметившейся в ряде соцпартий тенденцией активизировать связи с компартиями (не в последнюю очередь с СКЮ); от предстоящей новой сессии Социнтерна, назначенной на март, ждали новых подвижек в отношении международного коммунистического движения.

На предстоящем большом совещании Информбюро намечалось также обсудить вопрос об экономическом положении трудящихся развитых капиталистических стран и опыт деятельности компартий по защите жизненных интересов рабочего класса. В записке признавалось, что некоторые проблемы экономической теории марксизма-ленинизма (например, вопрос об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса) нуждались в корректировке в свете конкретного опыта развития и об этом, приезжая в Москву, то и дело напоминали представители западных компартий. Резюмируя содержание записки, глава отдела ЦК КПСС предлагал провести в дни съезда беседы со всеми прибывшими делегациями компартий с целью выяснения соображений о назревших общих проблемах коммунистического движения, пожеланий «о возможных формах и способах связей между компартиями в современных условиях». В записке содержалось также конкретное предложение об активизации контактов между компартиями на региональном уровне, т.е. по группам стран – например, Латинской Америки, Скандинавских стран, некоторых стран Западной Европы. Это предполагало создание соответствующих региональных межпартийных структур. Никакие сообщения о встречах и беседах представителей компартий публиковать не предполагалось, встречи должны были носить рабочий характер.

Уже в дни съезда в ЦК КПСС поступило письмо генерального секретаря Итальянской компартии П. Тольятти, датированное 20 февраля²⁷. Многоопытный итальянский коммунистический лидер исходил из официальной, пока еще публично не пересмотренной позиции советского руководства, озвученной Хрущевым в декабре. Выразив согласие с тезисом относитель-

но необходимости дальнейшего существования Информбюро, Тольятти заметил, что остается открытым вопрос о том, “хорошо ли это бюро выполняет свои функции, и в том случае, если не хорошо, то следовало бы обсудить, как улучшить его работу»²⁸. По мнению лидера ИКП, для обсуждения этого вопроса уместно было бы созвать совещание представителей партий-членов Информбюро, пригласив для обмена мнениями и представителей хотя бы некоторых партий, не являющихся членами Информбюро. В случае если в руководстве ЦК КПСС сочтут несвоевременным созыв такого совещания, Тольятти выразил готовность в письменном виде изложить и передать соображения ИКП по поводу путей улучшения работы Информбюро, возможностей более широкого контакта и обмена опытом между компартиями капиталистических стран. Таким образом, один из наиболее влиятельных деятелей мирового коммунистического движения напрямую ставил перед Москвой вопрос о необходимости далеко идущей реорганизации важнейшего унаследованного от Сталина механизма централизации этого движения.

22 февраля члены Президиума ЦК КПСС, уже ознакомившиеся с письмом П.Тольятти, обсуждали записку Б.Н. Пономарева²⁹. А.И. Микоян, развивая положения, изложенные в записке, выдвинул идею создания региональных объединений, таких как объединение компартий стран, строящих социализм; коминформ западноевропейских стран; коминформы северных стран, латиноамериканских стран, стран Юго-Восточной Азии. Для того чтобы можно было работать на должном уровне со всеми этими региональными объединениями, предстояло, по его мнению, усилить Международный отдел ЦК КПСС. Это предложение вызвало дискуссию, при этом никто из выступавших не высказался за сохранение прежней структуры в неизменном виде. В.М. Молотов, часто дискутировавший с Микояном по внешнеполитическим вопросам, на этот раз полностью согласился с предложением. Л.М. Каганович увидел преимущество в существовании двух различных структур, объединяющих компартии капиталистических и социалистических стран. В то же время М.А. Суслов, курировавший в Президиуме ЦК КПСС вопросы мирового коммунистического

движения, узрел недостаток выдвинутой инициативы в том, что компартии соцстран Европы могут замкнуться на себя и утратить влияние на азиатские страны. Н.С. Хрущев поддержал идею региональных объединений, именно в этом контексте четко обозначив свою новую позицию – «ликвидируем коминформ». Схему, предложенную Микояном, он считал в основном приемлемой. По его мнению, большинство партий, входивших в Коминформ, войдет теперь в «бюро контактов коммунистических и рабочих партий стран, строящих социализм». Выход ИКП и ФКП из этой структуры был бы целесообразен, так как перед этими партиями стоят другие задачи. КПСС должна была, полагал Хрущев, «контактировать между региональными объединениями», выступая в качестве посредника и оказывая необходимую помощь. Был затронут также вопрос о необходимости лучше поставить газету, научный журнал, наладить выпуск научной литературы. По итогам обсуждения решено было собрать представителей делегаций и посоветоваться³⁰.

Соответствующие встречи состоялись, однако записи их отсутствуют. Можно сделать предположение, что идея региональных «коминформов» не получила поддержки наиболее влиятельных лидеров зарубежного коммунистического движения (в первую очередь Тольятти), а потому именно на этом этапе была отброшена, оставалось в силе еще в течение некоторого времени лишь предложение о создании Бюро компартий стран, строящих социализм³¹. В конце декабря 1956 г., уже после венгерских событий, Тольятти на VIII съезде ИКП уделил довольно большое внимание проблеме Коминформа и его возможных преемников, четко обозначив свою позицию. Он подчеркнул, что ИКП «против возврата к любой форме централизованной организации», хотя и считает полезными встречи представителей компартий – «не с целью разработки обязательных для всех решений, а с целью прояснения позиций, сопоставления разных путей». По мнению итальянского коммунистического лидера, к участию в таких встречах следовало приглашать и социал-демократов, склонных к союзу с коммунистами³².

Через месяц после съезда, 28 марта, в повестку дня заседания Президиума ЦК КПСС вновь был включен вопрос об Информбюро коммунистических и рабочих партий³³. На за-

седании рассматривались представленные М.А. Суловым и Б.Н. Пономаревым в ЦК КПСС еще 17 марта проект Информационного сообщения о прекращении деятельности Информбюро, а также проект соответствующего письма ЦК КПСС Центральным Комитетам коммунистических и рабочих партий, входящих в Информбюро. Существование этих документов свидетельствует о том, что уже к середине марта, с учетом результатов встреч с зарубежными коммунистами, состоявшихся в дни съезда, вопрос об упразднении Коминформа был фактически решен. Теперь Членов Президиума ЦК КПСС больше интересовало, в какой форме обнародовать сообщение о ликвидации Информбюро³⁴. Хрущев предложил не затягивать с публикацией сообщения о роспуске Коминформа и этому форсированию событий можно найти объяснения.

Учитывая особую роль Коминформа в антиюгославской кампании конца 1940-х – начала 1950-х годов и негативное отношение югославских коммунистов к Коминформу, можно предполагать, что одним из главных мотивов его роспуска стало стремление КПСС сделать жест доброй воли в адрес СКЮ в условиях, когда в Москве считалась приоритетной задача налаживания межпартийных связей³⁵. В преддверие намеченной на июнь новой встречи с Тито, с которой в Кремле связывались определенные надежды на еще более значительный прорыв в сближении двух стран, руководство КПСС пыталось устранить существенное препятствие, стоявшее на пути поступательного развития советско-югославских отношений.

Другим мотивом роспуска Коминформа было стремление сделать жест доброй воли в адрес европейской социал-демократии, которая, как известно, довольно скептически восприняла отчетный доклад Н.С. Хрущева XX съезду КПСС и прозвучавшие в нем положения о многообразии путей перехода к социализму, возможностях мирного перехода к социализму и т.п.³⁶. В те же дни, когда на Президиуме ЦК КПСС обсуждался вопрос о конкретной форме обнародования сообщения о ликвидации Информбюро, для публикации в «Правде» готовилась программная статья Б.Н. Пономарева с предложением возродить традиции сотрудничества коммунистов и социал-демократов в рамках народных фронтов³⁷. Хотя реак-

ция в социал-демократических кругах на эту статью не была позитивной, в ЦК КПСС продолжали считать актуальными задачи наведения мостов к европейской социал-демократии. 28 апреля – 14 мая СССР посетила делегация Французской социалистической партии во главе с ее генеральным секретарем П. Коммэном. Во время поездок в Великобританию в марте-апреле 1956 г. сначала зампреда Совмина СССР Г.М. Маленкова, а затем первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева и председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина имели место контакты с лейбористами, которые, хотя и сопровождались инцидентом (к большому неудовольствию советских лидеров, им был передан список социал-демократов стран советского блока, до сих пор находившихся в заключении), все же не перечеркнули установок Кремля на сближение с социал-демократией.

Говоря о мотивах роспуска Коминформа, надо иметь в виду, что продолжала считаться актуальной и задача улучшения имиджа СССР в азиатских странах: произошедшая начиная с 1955 г. активизация советской политики на этом направлении была связана со стремлением использовать формирующееся движение неприсоединения в качестве своего стратегического союзника.

По итогам обсуждения было поручено М.А. Суслову, Д.Т. Шепилову и Б.Н. Пономареву переработать проект Информационного сообщения о прекращении деятельности Информбюро, а также подготовить в 5-дневный срок документ о контактах между коммунистическими и рабочими партиями стран социалистического лагеря, что и было сделано³⁸. 13 апреля Президиум ЦК принял постановление «О прекращении деятельности Информбюро»³⁹. В этот день был окончательно утвержден текст информационного сообщения, обсуждались текст письма ЦК КПСС в адрес ЦК коммунистических и рабочих партий стран народной демократии, входивших в Информбюро, текст письма руководствам ИКП и ФКП, а также записка Суслова, Шепилова и Пономарева, излагавшая предложения о новых формах контактов, в том числе об издании нового печатного органа⁴⁰. Сообщение о прекращении деятельности Информбюро было опубликовано в газете «За прочный мир, за народную демократию!» 17 апреля, а на следующий день «Правда» опубликовала этот текст вместе с ре-

дакционной статьей «Важное решение», помещенной в порядке комментария. В информационном сообщении отмечалось, что создание в 1947 г. Информбюро «сыграло положительную роль в устранении разобщенности между компартиями, образовавшейся после роспуска Коминтерна». Вместе с тем положительные изменения в международной обстановке в последние годы (превращение социализма в мировую систему, образование обширной «зоны мира», рост и укрепление компартий и т.д.) создали новые условия для деятельности компартий. «Информбюро как по своему составу, так и по содержанию своей деятельности уже не отвечает» задачам «укрепления единства рабочего класса в интересах успешной борьбы за мир, за социализм». Обменявшись мнениями по вопросам деятельности Информбюро, партии, в него входившие, признали, что оно исчерпало свои функции; предполагается найти новые полезные формы для установления контактов.

В статье «Важное решение» отмечалось, что решение о прекращении деятельности Информбюро, продиктованное «необходимостью привести формы связей и сотрудничества между коммунистическими партиями в соответствие с изменившейся исторической обстановкой», свидетельствует о творческом подходе к выработке форм взаимных связей, с учетом конкретной исторической обстановки. Были отмечены открывающиеся новые возможности предотвращения объединенными усилиями новых войн и агрессий, новые перспективы перехода к социализму, в том числе и парламентским путем. Было сказано о необходимости «выработать пути и формы продвижения к социализму, наиболее полно отвечающие традициям данного народа».

22-23 июня 1956 г. в Москве состоялось совещание руководителей компартий социалистических стран, посвященное в первую очередь экономическим, а также оборонным проблемам⁴¹. В повестке дня стоял также вопрос о формах дальнейшего сотрудничества и контактов компартий. К заседанию Президиума ЦК КПСС от 16 июня, обсуждавшему повестку дня и порядок работы предстоящего совещания, была подготовлена записка с предложениями делегации КПСС «О формах контактов между коммунистическими и рабочими партия-

ми социалистических стран»⁴². Как отмечалось в документе, по мнению ЦК КПСС, такой формой контактов могли бы быть периодически созываемые совещания представителей партий социалистических стран для обсуждения вопросов, представляющих общий интерес. Такие совещания могли бы созываться по инициативе отдельных партий. Что же касается места созыва совещаний, то его предполагалось определять по взаимной договоренности. Как полагали в ЦК КПСС, обязательных решений Совещания принимать не будут, но могут выносить согласованные всеми участниками рекомендации⁴³. Предложение о периодически созываемых совещаниях получило поддержку лидеров компартий, не исключая и Тито, ознаменного в июне в дни своего пребывания в СССР с новой инициативой КПСС. Через несколько месяцев, в ноябре 1956 г., ссылаясь на достигнутую принципиальную договоренность о проведении совещаний, а также на опубликованную 31 октября, в дни венгерской революции, Декларацию КПСС об отношениях между социалистическими странами, некоторые партии выступают с соответствующими предложениями. Так, Временный ЦК Венгерской социалистической рабочей партии предложил созвать в любом удобном для этого месте совещание компартий СССР и стран народной демократии для того, чтобы «обсудить взаимоотношения и, в частности, национальный вопрос, на основе опыта событий в Венгрии»⁴⁴. Несколько позже с аналогичной инициативой выступают и румынские коммунисты⁴⁵.

Визит югославского лидера Тито в Советский Союз, длившийся более 20 дней (с 1 по 23 июня), был организован с большой помпой. Многотысячный митинг советско-югославской дружбы на московском стадионе «Динамо» 19 июня призван был символизировать полное преодоление взаимного недоверия. В угоду сближению с Тито в Москве готовы были даже пойти на существенные кадровые перестановки. Буквально в день приезда Президента ФНРЮ происходит «смена караула» на Смоленской площади – стопроцентного ортодокса и консерватора В.М. Молотова, упорно продолжавшего сохранять особую позицию в югославском вопросе, заменил на посту министра иностранных дел СССР более молодой, либеральный (конечно, по кремлевским меркам) и мобильный Д.Т. Шепилов,

имевший репутацию главного интеллектуала партии. Однако при всей серьезности приготовлений сверхзадача переговоров так и не была решена, результатами июньского визита Тито в СССР в Кремле не были довольны. Осознавая выгоду более тесного экономического сотрудничества с СССР, Югославия в то же время нисколько не хотела поступаться своим суверенитетом и продолжала дистанцироваться от советского лагеря, не проявив, в частности, никакого желания к вступлению в ОВД и СЭВ. Подписанная межпартийная Декларация⁴⁶ носила явно компромиссный характер со стороны КПСС, в ней ничего не говорилось ни о единстве двух партий, стоящих на общей идейной платформе, ни о принадлежности Югославии к социалистическому лагерю, в то же время акцент делался на том, что обе стороны «чужды всякой тенденции навязывания своего мнения в определении путей и форм социалистического развития». Протоколы заседаний Президиума ЦК отражают разочарование советской стороны в итогах переговоров с югославами. Так, уже при утверждении документа на Президиуме ЦК КПСС было принято решение «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем»⁴⁷. Позже та же позиция нашла отражение в письмах КПСС, адресованных братским партиям. Таким образом, связанные с роспуском Коминформа ожидания большого прорыва в советско-югославских отношениях в целом не оправдались. Это, однако, не означало, что в руководстве КПСС отказались от давно назревшего замысла реформировать недостаточно эффективный, отживший свой век механизм осуществления советского влияния на мировое коммунистическое движение.

В дальнейшем одной из важнейших формой координации коммунистического движения становятся совещания компартий. Проведение первого большого совещания в ноябре 1957 г. было приурочено к 40-летию юбилею октябрьской революции в России⁴⁸. Вопрос о конкретных формах сотрудничества компартий продолжал считаться актуальным, опыт Коминформа живо обсуждался. Большое внимание было уделено ему, в частности, в выступлении Тольятти. В сравнении с Коминтерном, говорил он, «опыт Информбюро был менее удачен и не только в силу разрыва в 1948 году с югославскими

товарищами, но и потому, что Информбюро прежде всего не выполняло как раз задач информации» - из публиковавшихся в издании Коминформа более или менее полезных пропагандистских статей коммунисты тех или иных стран могли мало узнать о происходящем в других партиях. «Когда мы встречались с товарищами из компартий других стран и спрашивали, как у них идут дела, как, например, развивается социалистическое строительство, они отвечали, что все идет хорошо. Затем неожиданно мы узнавали о судебных процессах над тем или иным партийным руководителем, а это означало, что не все шло так уж хорошо. Теперь же нам стало известно, что в некоторых странах имели место серьезные трудности и промахи»⁴⁹. По мнению Тольятти, «в данный момент для того, чтобы наше движение развивалось как крупное массовое движение, требуется высокая степень самостоятельности отдельных партий в определении своих лозунгов и форм сотрудничества с другими политическими силами с учетом конкретных условий каждой страны»⁵⁰. «Нетрудно создать впечатление единства общих установок, но нам нужно не такое единство»; для успеха нашей борьбы в каждой конкретной стране «требуется постоянная творческая деятельность, не исключая применения смелых, продуманных политических действий, которые будут тем более эффективными, чем больше они будут учитывать реальную обстановку». Как резюмировал Тольятти, «не нужно спешить с созданием новых международных органов. Необходимо уметь сочетать самостоятельное развитие каждой партии с максимумом солидарности и единства нашего движения». В то же время итальянский коммунистический лидер призвал к тому, чтобы «все партии содействовали друг другу партиям в ознакомлении со своими проблемами, чтобы все обменивались необходимыми информационными материалами, устанавливали возможно чаще непосредственные контакты, проводили дискуссии и обмен делегациями, не исключая встреч между несколькими партиями для обсуждения общих проблем»⁵¹. Со стороны делегации ПОРП на совещании также звучали высказывания о том, что любые попытки централизации могут нанести ущерб коммунистическому движению, при этом содержались ссылки на опыт Коминтерна и Коминформа.

С этим мнением открыто полемизировала делегация румынской компартии, настаивая на позитивной роли Коминтерна в распространении марксистско-ленинской идеологии и формировании кадров коммунистического движения и не касаясь при этом Коминформа⁵².

Представитель КПСС М.А. Суслов говорил как о необходимости поисков новых форм взаимоотношений между партиями, так и том, что самостоятельность каждой партии и ее способность лучшим образом выразить интересы рабочего класса и трудящихся своей страны должны сочетаться с единством коммунистического движения. Акцент в его выступлении был сделан не на недостатках и ограниченности Коминформа (возникшего в определенных исторических условиях), а на необходимости преемственности: по мнению идеолога КПСС, наработанные принципы взаимоотношений компартий, и в частности компартий стран социалистического содружества, выдержали проверку временем⁵³.

В ноябре 1957 г. была в целом успешно апробирована новая форма сотрудничества и взаимодействия компартий, призванная заменить упраздненный Коминформ. Прошедшие под знаком единства московские совещания компартий (широкое и узкое, т.е. совещание компартий ряда социалистических стран) свидетельствовали о том, что к 40-летию юбилею октябрьской революции в России мировое коммунистическое движение преодолело временные трудности, порожденные XX съездом КПСС и связанные с необходимостью разоблачения Сталина и отмежевания от его методов. Выход мирового коммунизма из кризиса в немалой мере был связан со значительным ростом военно-политической мощи СССР, что проявилось в запуске в октябре 1957 г. спутника и испытании в августе того же года межконтинентальных ракет. В Москве ценой взаимных уступок удалось достичь временного компромисса между КПСС и КПК, хотя различие позиций, проявившееся на совещании, предвещало последующее, довольно скорое расхождение компартий двух больших коммунистических держав. Явной неудачей закончилась только новая, очередная попытка хрущевского руководства теснее привязать к СССР режим Тито в Югославии. Через несколько месяцев, с принятием вес-

ной 1958 г. новой программы СКЮ, была развязана антиюгославская кампания. Она, конечно, не достигла остроты конца 1940-х – начала 1950-х годов, вместе с тем именно критика югославского ревизионизма стала во время следующего большого совещания компартий, проведенного в ноябре 1960 г., общей компромиссной платформой, способной на считанные месяцы отсрочить открытый конфликт КПСС и КПК. Только в 1960-е годы, в условиях глубокого раскола между СССР и КНР, в Москве смирились (зная о непримиримом в то время отношении Пекина к белградским «ревизионистам») с особым статусом Югославии среди соцстран и прекратили все заведомо бесплодные попытки вовлечь нейтральное социалистическое государство, заинтересованное лишь в экономическом сотрудничестве с СССР, в советскую сферу влияния. Что же касается проблемы созыва последующих совещаний компартий, то она в 1960-е годы становится предметом острой борьбы между КПСС и КПК, стремившихся в целях осуществления собственных геополитических и идеологических амбиций заручиться поддержкой тех или иных отрядов мирового коммунистического движения. Однако это уже тема другого выступления.

Примечания:

¹. См. фундаментальную публикацию материалов трех совещаний Коминформа с большим научным аппаратом и статьями Л.Я. Гибианского, Г.М. Адибекова: *Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. М., 1998.*

². См.: Адибеков Г.М. *Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994. С.221-224.*

³. Президиум ЦК КПСС. 1954-1958. Т.2. *Постановления ЦК КПСС. 1954-1958. Гл. редактор академик А.А. Фурсенко. М., 2006. С.25.*

⁴. Там же. Опыт Попова должны были учитывать все послы, работавшие в восточноевропейских странах, и в том числе Ю.В. Андропов, посол в Венгрии в 1954-1957 гг. Он поддерживал внешне совсем иной стиль в отношениях с венгерскими лидерами, не только категорически не допускал окриков, но соблюдал все правила дипломатического этикета, облекая даже самые жесткие рекомендации Москвы в форму «советов» и там, где можно, проводя линию

СССР чужими руками – через наиболее доверенных, преданных Кремлю представителей венгерской партноменклатуры. Подробнее см.: Стыкалин А.С. Посол СССР как проводник советского влияния в «народно-демократической» стране. К истории дипломатической карьеры Ю.В. Андропова // Власть и общество: непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке). Отв. редактор Е.П. Серапионова. М., 2008. С.283-317.

⁵ Подробнее о советско-югославских отношениях в этот период см. фундаментальную монографию А.Б. Едемского: Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953-1956 годах. М., «Наука», 2008.

⁶ См. текст телеграммы: Президиум ЦК КПСС. 1954-1958. Т.2. С.88-90.

⁷ Имелась в виду лекция Э.Карделя в Осло перед норвежскими социал-демократами в октябре 1954 г. В нем затрагивался и вопрос о Коминформе как орудии советской политики, но в основном речь шла о возможностях эволюционного продвижения к социализму.

⁸ См.: Президиум ЦК КПСС. 1954-1958. Т.2. С.90.

⁹ Об этом явствует, в частности, из Директив делегации ЦК КПСС и Советского правительства при переговорах с югославскими руководящими деятелями, представленных к заседанию Президиума ЦК от 19 мая 1955 г. (См.: Там же. С. 48-60).

¹⁰ Там же. С.179, 180, 183. Записка «О некоторых итогах нормализации отношений с Югославией». О справедливости такой оценки свидетельствовала и неготовность СКЮ послать свою делегацию на открывавшийся 14 февраля 1956 г. XX съезд КПСС. Югославская сторона мотивировала свой отказ несколькими соображениями: чтобы не создавать в мире впечатления, будто ФНРЮ сближается с блоком восточноевропейских стран и готова присоединиться к Варшавскому договору; чтобы не дать западным державам повода отказать Югославии в экономической помощи; и из-за того, что компартии восточноевропейских стран не спешат устанавливать контакты с СКЮ. Было направлено только приветственное письмо ЦК СКЮ XX съезду КПСС, а посол ФНРЮ Д. Видич присутствовал на съезде в качестве наблюдателя.

¹¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф.3. Оп.8. Д.254. Л.17-19. В письме было указано на необходимость взаимного обмена опытом стран, строящих социализм.

Вместе с тем отмечалось, что ЦК СКЮ, извлекая уроки из прошлого, пришел к выводу о том, что сотрудничество партий и движений, борющихся за социализм, должно быть добровольным и основываться на принципах равноправия, самостоятельности отдельных партий, свободного обмена мнениями и взаимной конструктивной критики, невмешательства одной партии во внутренние дела другой. Критика, сколь бы полезной и нужной она ни была, не должна вести к навязыванию какой-либо одной партией своего мнения другим партиям.

¹² См., например, докладную корреспондента «Правды» В.Платковского (лето 1955 г.): РГНИ. Ф.5. Оп.30. Д.121. Л.77. См. также дипломатическую беседу: Архив внешней политики РФ (АВПР). Ф.077. Оп.37. Папка 187. Д.7. Л.178-179.

¹³ В эти же дни в беседе с госсекретарем США Дж.Ф. Даллесом на о. Бриони 6 ноября 1955 г. И. Броз Тито к неудовольствию Москвы подтвердил свою приверженность внеблоковой политике и согласился с тем, что необходимо возвернуть суверенитет странам, входящим в советский блок (Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.2. С.184-185).

¹⁴ См. краткую запись доклада Хрущева о поездке в Индию на заседании Президиума ЦК КПСС от 22 декабря 1955 г.: Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С.74. В записи ход беседы зафиксирован следующим образом: «Беседа с Неру. О Коминформе, о компартии, о помощи коммунистам, о газете «За прочный мир...» Все эти вопросы он поставил, он. Наш ответ: мы сочувствуем коммунистам. Почему компартии должны быть лишены права на Коминформ? Он ответил: «Мне все это понятно».

¹⁵ РГНИ. Ф.3. Оп.10. Д.211. Л.17, 87-94.

¹⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.1. С.74.

¹⁷ Правда. 1955. 15 декабря.

¹⁸ Речь идет о Женевском совещании глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции 18-23 июля 1955 г., ставшей шагом к разрядке международной напряженности.

¹⁹ Правда. 1955. 30 декабря.

²⁰ Коммунистическая партия - вдохновитель и организатор коммунистического строительства в СССР // Коммунист, 1956. N.2. С. 3-14.

²¹ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.1. С.78. Можно предполагать, что речь шла об изложении советской позиции в ответ на поло-

жения, содержащиеся в выше упомянутом письме ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС от 29 июня 1955 г.

²² Там же. Т.2. С.178-187.

²³ См. запись: Там же. Т.1. С.88-93.

²⁴ Правда. 1956. 15 февраля.

²⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.1. С.106-107.

²⁶ Там же. Т.2. С. 200-202.

²⁷ Там же. С.205-206.

²⁸ Там же. С.205.

²⁹ Там же. Том 1. С.106-107.

³⁰ Предполагалось провести сначала встречи с представителями ФКП, ИКП, ряда других партий, как входящих в Коминформ (ПОРП, КПЧ), так и не входящих (КПК, СЕПГ). После этого намечалось совещание в более широком составе. См.: Там же; Там же. Т.2. С. 199-200.

³¹ Такое предложение фигурировало, в частности, в записке М.А. Суслова, Д.Т. Шепилова и Б.Н. Пономарева, представленной к заседанию Президиума ЦК КПСС от 28 марта: РГАНИ. Ф.3. Оп.14. Д.14. Л.76-79.

³² Материалы VIII съезда ИКП (Рим, 8-14 декабря 1956 г.). М., 1957. С.67-69.

³³ См. запись: Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.1. С.116-117.

³⁴ См. записи заседания: «на высоком уровне сформулировать», «распространеннее сказать в документе, а то сухо и лаконично», «расшифровать, что такое контакты, иначе будут домыслы» (Там же).

³⁵ Одним из свидетельств продолжения политики, направленной на дальнейшее сближение с Югославией, постепенное ее вовлечение в советскую сферу влияния, явилось включение в отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду КПСС формулы о многообразии путей к социализму. Уже сама постановка вопроса о многообразии путей к социализму была в 1956 г. для КПСС актуальна прежде всего из-за необходимости отразить в уставочных партийных документах своеобразие отношений СССР как с великой дальневосточной коммунистической державой – Китаем, так и с относительно небольшой, но внешнеполитически значимой титовской Югославией, в силу затруднений с подгонкой под общий ранжир как китайской, так и югославской специфики (хотя принималась также во внимание и активизация антиколониальных движений в странах «третьего мира», в которых Хрущев и его окружение видели потенциальных стратеги-

ческих союзников СССР в борьбе с империализмом). Показательно, что в отчетном докладе ЦК, зачитанном Н.С.Хрущевым 14 февраля, ссылка на Югославию содержалась как раз в разделе, где обосновывался тезис о многообразии форм перехода к социализму.

³⁶ 2-4 марта в Цюрихе состоялась сессия Социалистического Интернационала, на которой обсуждался вопрос о тактике социал-демократии в отношении мирового коммунистического движения в свете решений XX съезда КПСС (участники сессии еще не имели в то время представлений о закрытом докладе Н.С. Хрущева о культе личности, прозвучавшем в последний день работы съезда, 25 февраля). Как отмечалось на сессии, критика методов Сталина, прозвучавшая в ряде выступлений на съезде (например, выступлении А.И. Микояна), не изменила характера советского режима – он остается диктатурой, и социалистам, не разделяющим коммунистической доктрины, по-прежнему отказано в правах; декларированное «коллективное руководство» есть коллективное руководство диктатурой; мирный путь к социализму, предлагаемый теперь коммунистами, – это не что иное, как подрыв парламентской демократии по образцу Чехословакии 1948 г. и приглашение к социал-демократам принять участие в собственном уничтожении. В программных документах Социнтерна и выступлениях его лидеров отмечалось, что точно так же, как существуют различные пути к социализму, существуют и фундаментальные различия между коммунистами и социал-демократами в понимании социалистической цели, ибо не может быть деспотического социализма. Социнтерн оставил в силе прежние свои установки, суть которых заключалась в том, что сосуществование на правительственном уровне не означает идеологического сосуществования. Социал-демократы принципиально отказались заключить идейный мир с партиями, чье намерение состояло в том, чтобы ликвидировать их партии и основополагающие ценности. Минимальным предварительным условием для такого мира должно стать, по их мнению, восстановление подлинно свободных демократических рабочих движений во всех странах, где они существовали раньше, но были подавлены коммунистическими диктатурами. Некоторые оговорки делались социал-демократами применительно к Союзу коммунистов Югославии, снискавшему уважение смелым противостоянием сталинскому диктату. Подробнее см.: Чуканов М.Ю. Отклики Социалистического Интернационала на XX съезд КПСС // Отечественная история, 2006. N.1.

^{37.} См.: Пономарев Б.Н. Насущная задача рабочего движения. Правда. 1956. 31.03. На оптимизм руководства КПСС в отношении возможностей сближения с социал-демократией повлияли разные факторы – довольно позитивный отклик на XX съезд лидера итальянских социалистов П. Ненни (и раньше сотрудничавшего с коммунистами), успехи левых сил на парламентских выборах во Франции в январе 1956 г. (при том, что новый премьер-министр Ги Молле отказался от союза с коммунистами и включения представителей ФКП в правительство).

^{38.} См. постановление Президиума ЦК КПСС «Вопрос Информбюро коммунистических и рабочих партий» от 28 марта 1956 г.: Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.2. С.214.

^{39.} РГАНИ. Ф.3. Оп.14. Д.14. Л.3.

^{40.} Архив Президента РФ. Ф.3. Оп.23. Д.54. Л.145-146.

^{41.} См. документы: Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.2. Постановления. 1954-1958. М., 2006. С.338-347.

^{42.} АПРФ. Ф.3. Оп.63. Д.378. Л.113-114. Соответствующие предложения были утверждены 21 июня. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.2. С.346-347.

^{43.} На совещании 22-23 июня предполагалось также обсудить перспективы издания журнала, который освещал бы вопросы теории и практики социалистического строительства, опыт отдельных компартий. С 1958 г. издавался журнал «Проблемы мира и социализма».

^{44.} См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Редакторы-составители Е.Д. Орехова, В.Т. Серeda, А.С. Стыкалин. М., 1998. С.645.

^{45.} См.: Stocalin A. Consfătuirile de la Moscova ale partidelor comuniste și muncitorești, noiembrie 1957 // Arhivele Totalitarismului. București, Academia Română, 2008. N.1-2. 86-107 p.

^{46.} См.: Правда. 1956. 21.06.

^{47.} РГАНИ. Ф.3. Оп.12. Д.65. Л.5.

^{48.} См.: Стыкалин А.С. За кулисами юбилейных торжеств (Московские совещания компартий в ноябре 1957 г. и участие в них польской делегации) // Российско-польский исторический альманах. Вып. III. Ставрополь-Волгоград-Москва, 2008. С.62-99.

^{49.} Тольятти П. Избранные статьи и речи. Т. II (Декабрь 1956 года – 1964 год). М., 1965. С. 113.

^{50.} Там же. С. 114.

⁵¹. Там же. С.114-115.

⁵². См.: Стыкалин А.С. За кулисами юбилейных торжеств.

⁵³. См.: Суслов М.А. Марксизм-ленинизм и современная эпоха. Избранные речи и статьи в 3-х томах. Том 1. М., 1982. С.267-295.

Alexandr Stycalin

About concrete historical circumstances of dissolution Cominform and transition to new forms of interaction of Communist Parties

In December 1955 the Soviet leader Nikita Khrushchev tried to convince the Western public opinion that the Soviet leaders had no idea to dismiss the Cominform. But a few months later the decision was adopted to liquidate this mechanism of the Stalinist policy. In the article based on the documents from the Russian archives and other sources the author tries to examine what were the factors which influenced the change of the Soviet official position.

Key words: *the external policy of the USSR; the international communist movement; Comintern, Cominform; the Soviet-Yugoslavian relations; the CPSU XX-th Congress.*

Надійшла до редколегії 14.04.2010 р.